

Коробенкова, Н. Живут во мне воспоминанья [Текст]/ Н. Коробенкова // Бичурский хлебороб. – 2009. - № 90-91 (13 ноября). – С. 4. Продолж. Начало: №88-89,2009.

Живут во мне воспоминанья...

(Продолжение. Начало в № 88-89).

За войну люди забыли, что такое свадьба. И когда вернулись с войны мужчины, складывались семьи. Тогда говорили – не поженились, а сошлись, и не было ни застолий, ни обручальных колец, ни загса. Зато в деревнях застучали топоры, поправлялись покосившиеся без мужских рук заборы, рубились новые дома. Через несколько лет на улицах стало полно малышни в латаных-перелатаных рубашонках и далембовых штанах. Отцы же годами ходили в выцветших гимнастерках, чуть позже – в полувоенных кителях с блестящими металлическими пуговицами и брюках галифе. Таким я запомнила своего отца и наших соседей-фронтовиков.

Веселые праздники

С СОСЕДЯМИ десятилетиями жили, не имея поводов для ссор, а тем более конфликтов. Все в округе звали нашего папу «дядя Митя» и бежали к нему по житейским делам, за советом, за защитой. Человек открытый и прямой, он не скрывал своего неуважения к пьяницам, браконьерам и семейным скандалистам. Ему часто (не только в должности председателя Бичурского сельского совета) приходилось выполнять роль то миротворца, то третейского судьи. Мы в семье не знали, что такое пьяный отец и табачный дым, но как умели праздновать наши родители! Сколько у них друзей, с которыми дружили с молодости: Степановы, Разницыны, Хохловы, Корнаковы, Истомины, Митропольские.

Праздники – это 1 и 9-е мая и 7 ноября. Всё! Сейчас, в связи с их множеством, праздники девальвировались. А тогда... Настроение создавали уже призывы ЦК КПСС, звучавшие по радио, предвкушение демонстрации под духовой оркестр.

Скудное время, но уж в праздники стол, коллективно приготовленный, ломился, как на картинках в книге Микояна «О вкусной и здоровой пище». А шутки, веселье, «приколы». Папа обладал отменным чувством юмора. Там, где он, часто можно было услышать взрывы смеха.

Как самозабвенно и отчаянно плясали они на пару с Василием Николаевичем Степановым – пол трещал, лампочка под потолком раскачивалась. Virtuозно играли на гармошках мои дяди Федор Михайлович Фомин, Павел Павлович Воронцов. А песни! Народные, революционные, военные. В те годы все торжественные собрания в районном Доме культуры

открывались пением «Интернационала». Я и сейчас слышу мощный бас моего отца в импровизированном хоре.

Самое главное – семья и работа

Папа очень любил родню. Случись у кого-то беда, он раскинет крылья: «Мать, быстро собирайся, едем!». Был заботливым зятем. Бабушка (мамина мама, прожившая 104 года) любила его. Каким бы коротким не был обеденный перерыв, находил время забежать в дальнюю комнату к ней, пошутить, рассмешить, принести чаю. Непоседливый, шумный, не великий ростом, он заполнял собой всё пространство. В тот же обеденный перерыв прибежит (он бегал – не ходил) и обязательно растормошит спящих в колыбели внушек. Бурно и радостно переживал рождение детей, внуков и внучек. Иногда дарил нам, уже взрослым, подарки. Надо было ему, находясь в командировке в Москве в связи со строительством Мемориала в Бичуре, искать в магазинах нам с младшей сестренкой Нонной модные тогда шляпки «таблетки» и лакированные сапоги-чулки? Нам и в голову не приходило заказывать с отцом какие-то покупки. Воспитанием в привычном смысле – посадить рядом с собой и читать нравоучения – родители не занимались. Воспитывал образ жизни в семье. Мы видели, как они трудятся, и вынесли один из важнейших уроков детства – жить честно и работать на совесть.

Все мы окончили вузы, живем в разных местах. Брат Евгений Дмитриевич – в Усть-Баргузине, работает в Забайкальском национальном парке заместителем директора по научной работе, кандидат географических наук. Александр Дмитриевич – инженер-строитель мостов и тоннелей, прошел БАМ и Заполярье, живет в Волгограде, занимается предпринимательской деятельностью.

Нонна Дмитриевна – педагог, журналист, живет в Китае, преподает студентам Медицинской академии всё, что касается России – русский язык, русскую классику, историю и культуру, плюс журналистику.

Смею нескромно заметить, что от родителей нам генетически передались некоторые задатки ума и одержимость в работе. Будь они живы, их окружали бы сегодня 12 внуков и 15 правнуков. Но это уже из области несбывшихся желаний.

ЛЮБОВЬ НАШЕГО ОТЦА к детям была требовательной, суровой, но удивительным образом сочеталась с мягким сердцем. Он страшно переживал, когда кто-то болел. Сам не умел болеть, тяготился, если что-то «прихватывало», пил ударные дозы лекарств, торопился на работу. Телефон в нашем доме не переставал звонить. Папа сгорел на работе, не дожив до 70 лет. Он был из первого поколения советских людей, и нетрудно представить, как тяжело переживал бы он разруху перестроечных лет, зрелище разоренных ферм и заросших полей.

Иногда я ловлю себя на мысли: хорошо, что папа не увидел крушения всего того, что создавалось его поколением. До последнего дня, страдая от страшной болезни, он держался на ногах. Его энергоресурсы повергли медиков в шок.

Семья и работа – главные дела жизни нашего отца. Я и сегодня не могу сказать, какое из этих дел было для него важнее.

**Нелли Коробенкова,
наш внешт. корр.
Продолжение следует.**